

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1960

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А

А. И. ГЕРЦЕН

ТОМ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1866-1867 ГОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1960

КРЕПОСТНИКИ

*Tu te réveilles, belle endormie!**

Правой ли, левой ли ногой вступит Россия в Новый год, мы не знаем, и скорее, думаем, *левой*, но во всяком случае каждый шаг ее в нем будет чрезвычайно интересен.

Мертвые, полусогнившие выходят из могил, не хотят лежать в земле, если она отходит крестьянам.

Правительство бессмысленно хлещет по социальным теориям, крепостники прогуливаются с распущенными знаменами.

Мы слышали, что перед смертью выходят рубцы кнута у наказанного, но никогда не слышали, чтоб они выступали и у палачей.

Год тому назад сам Катков, замаранный всеми грязями, нагло улыбавшийся, когда его называли «доносчиком», отталкивал от себя обвинение крепостничества.

Теперь, совсем напротив, целая банда бывших рабовладельцев открыто плачет об утраченном крепостном праве. Она вспоминает о 19 февраля 1861 как о дне великого несчастья, в том роде, как французские республиканцы вспоминают о 2 декабре*. Чувства эти были у них всегда, мы в этом не сомневались, но они их скрывали. Что же развязало их язык?

Два года террора, царской демагогии, плаванья в крови и насилиях, два года подкупной клеветы и казенной журналистики.

Это первый плод того растления общественного мнения, которое так мастерски вело правительство, того дикого,

кроважидного настроения, в котором его защитники поддерживали и разжигали умы с 1862 года. Это первые лавры с польских побед, позорных столбов в Петербурге, с ссылок, казней, пыток...

Бесцеремонность, с которой является у нас крепостническая реакция, не часто встречается в истории. Оплакивающие прошедшее стараются обыкновенно придать ему вид почтенных мощей, нравственный смысл, на его бесчестные раны и грязные наготы набрасывают покрывало. Ничего подобного у наших неокрепостников: они жалеют своего права на чужую работу и сердятся на помеху, так, как воры сердятся на руку закона, мешающую им красть. В наш век только одна страна доходила до этих геркулесовых столбов разврата мысли и слова, это североамериканские южане, когда они перед войной являлись в церквях и журналах защищать рабство. Свой своему поневоле брат.

Через какие же бедствия пройдет Россия, если она может производить такой яд и не умеет отделяться от него? Гнилое худосочие, унаследованное нами от целых поколений, родившихся в разврате рабовладения, бродит в наших жилах, приглушая сердце, помрачая ум и доводя горесть за утрату неправой корысти до дерзкого протеста,—как будто одна страсть к даровому стяжанью в состоянии вывести нас из апатической дремоты и страдательного повиновения.

Юбилей в *Вольном* экономическом обществе дал случай обличиться нашим неокрепостникам. Что такое это *вольное* общество, знает всякий, а кто не знает, пусть прочтет отчет В. Безобразова *. Это одна из тех неискусных декораций, которыми Екатерина II обманывала Европу, вроде картонных деревень, которыми Потемкин обманывал ее. Пустое, бессмысленное и безжизненное, оно дожило до ста лет с той же пользой, с которой доживают до них попугаи и вёроны. Зная, с кем имеет дело, правительство разрешило столетнему *вольному* обществу собрать со всех концов России сельских хозяев *, посоветоваться с ними и в случае нужды сделать свои представления, т. е. правительство давало ему право собрать конгресс по важнейшему вопросу народной жизни и предоставило право петиции, в котором отказало московскому дворянству *.

Этот конклав, этот конвент сельского хозяйства захотел показать, что и он живой, и решился... на что вы думаете?.. Отгадайте!..

Наши милые трутни под вывескою пчел решились беспокоить правительство. *О принятии законодательных мер, способствующих распадению сельской общины.* Самому председателю отделения стало совестно, и он этим непроходимым рабам заметил, что о таких вещах судят и рассуждают, но не просят распоряжений начальства *.

По счастью, нашелся в зале человек, который не вытерпел и стал за общину. Речь свою (которую петербургские газеты имели небрежность передать в нескольких словах) г. Панаев заключил тем, что решать вопрос о мерах к уничтожению общины в собрании представителей капитала и без представителей труда было бы несправедливо. «Сам же г. Панаев видит в общине лучшее решение вопроса об отношении капитала к труду — великое начало, существующее только у нас. Это начало — *право человека на землю*». «*Право на землю*, — заметил г. Бушен, — то же самое, что известное *право на труд!*»¹

Этим намеком дело не кончилось, а только началось, букет приготовил издатель «Вести» г. Скарятин: «Бойко, внятно и самодовольно сказал он длинную речь... в защиту крепостного права. Говоря, что защитники общины поставляют ее заслугою невозможность пролетариата, батрачества, г. Скарятин нашел, что *в этом-то и состоит вред общины*, ибо, по его мнению, *батрачество (пролетариат) полезно для государства*, так как оно отдает рабочие руки во власть искусных домохозяев и собственников. До сего времени, по мнению г. Скарятина, благотворительную роль в этом отношении играло крепостное право. Крепостное право была великая производительная сила, говорил г. Скарятин, пересчитывая благодеяния крепостного права, состоящие в том, что помещик следил за хозяйством крестьянина, помогал ему, поощрял трудолюбивых, исправлял нерадивых, и заключил так: *„От этого порядка вещей выигрывали все; весь этот порядок рухнул 19 февраля 1861 г.*

¹ Выписки сделаны нами из «СПб. вед.», № 293 и др.

Община не может заменить его, и поэтому (ввиду распространения батрачества) и следует ее уничтожить“».

И человек, публично сказавший это, цел и невредим?

Да дело-то в том, что вовсе не один человек, а легион. Вот что проповедует г. П. Бланк:

«Г-н Петр Бланк положительно отрицает у всего, что не изображает из себя российского патриция, право вмешиваться в управление общественными делами; обязанность и право заботиться „об общественном благосостоянии, спокойствии и порядке“, по его мнению, принадлежит исключительно одним патрициям. „Эту лепту обязано дворянство нести на алтарь своего отечества, в возмездие за труд рабочий, его питающий, и за дела торговые, обеспечивающие его домашнюю жизнь и удовлетворяющие его потребностям“. Он говорит: „Рабочие люди, куда естественно отнесем весь более беднейший класс народонаселения, по самому названию своему, имеют обязанность, вызываемую и нуждою к содержанию себя (и нуждою, стало быть, чем-то другим еще? может быть, необходимостью питать российских патрициев?) и своего семейства, работать на других жителей государства и тем извлекать средства жизни, а иногда и выгоды для самих себя“» (но только иногда, заметьте; постоянно же не более, как на содержание себя, и притом так, как привык содержать себя рабочий русский человек).

«Вы напечатали вашу сказку,—говорит „Голос“,— в газете, именующей себя, говорят, *представительницею и защитницею интересов российского дворянства*; если никто из этого дворянства не уличит вас в том, что вы зашли дальше, нежели требует, по меньшей мере, приличие, то нам остается думать, что ваш взгляд разделяется всеми российскими патрициями, т. е., что все они, вопреки закону, отрицают у народа, у рабочих людей, право на участие в делах земства,— право, предоставленное ему недавним законом, чуть ли не отрицают даже право на образование, под тем предлогом, что рабочий человек будто бы и „не гонится за большим образованием“». Между тем в том же нумере газеты, где помещена статейка г. Петра Бланка, говорится, что какие-то «тайные враги дворянства стараются внушить (кому?), будто оно недовольно, раздражено

уничтожением крепостного права», и говорятся по поводу того, что «законодатель имел в виду ~~уничтожить~~ великую неправду; он хотел восстановить *право людей*, которых прежний порядок приравнивал к вещи». Да разве проповедовать, что *рабочие люди* обязаны только век свой работать «на других жителей государства» и только *иногда*, ради выгоды, для самих себя», не значит, в сущности, стремиться к этому прежнему порядку?

Что, господа адресные и неадресные дворяне, как вы вывернетесь, как уклонитесь от нескромно поставленного вопроса «Голосом»?

Или вы тоже верите по Аристотелю и Бланку, что есть натура рабская и натура человеческая * и что если где нет пролетариата, так *его надобно разводить*?¹

И вы, г. Голохвастов, «живущий верою хоть в день смерти поклониться России как самой великой, самой могучей и самой *свободной* державе в мире» *?

И вы, г. Орлов-Давыдов, граф-богослов, любомудр² и ученик Единбургского университета?

Не может быть.

Конечно не может быть,— но дайте нам мед ваших речей, а то как бы и вас не постигла участь, которой один из вас «между жарким и бланманже» * пугал клеветников дворянства, говоря, что они «преступники перед *человечеством*» (*ennemis du*

¹ Как жаль, что помещики поздно догадались о грядущем запросе на пролетариат: они могли бы, при тех поощрительных и христианских средствах, которые им давал закон до несчастного 19 февраля, поставить большое количество материала.

² Известному противнику Бунцена и Бакля* титул богослова принадлежит давно, но истинным любомудром явился граф в последние «дебаты»*, где он с такою новой ясностью истолковал московскому дворянству различие между олигархией и аристократией. «Аристократия и олигархия,— сказал сиятельный оратор,— это два понятия совершенно не согласные между собой. Олигархия есть стремление сосредоточить власть в руке *немногих* людей, тогда как аристократия стремится привлечь к управлению *лучших* людей»*. Из этого ясно, что демократия старается набрать в управление что ни есть хуже негодяев. Какая же будущность у нее? Мы рекомендуем составителям прописей и хрестоматий не упускать из виду эту детскую, но глубокую сентенцию графа.

genre humain!) и что «их ждет проклятие потомства и разные исторические неприятности» *.

...И куда делись все рьяные, матерые друзья и защитники меньших братий, общины, общинного землевладения?..

Где И. Аксаков?

Где Ю. Самарин?

Не лучше ли было бы вместо *духовного* «Дня»* издавать «День» *светский* и ломать копья за наше *право на землю*, чем отвечать целыми печатными листами убийственной скуки какому-то отцу Мартынову *, которого письма никто не читал и читать не будет?

Проснитесь, Бруты! Пока вы ликовали победу над Польшей и занимались уничтожением иезуитов *, — посмотрите, какую безобразную голову подняло православное помещичество.

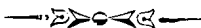
СУДЕБНОЕ УБИЙСТВО В МОСКВЕ

27 ноября (9 дек.). Крестьянин Архип Пудин приговорен полевым судом к расстрелянию. Нам нет ни малейшего дела ни до преступлений Пудина, ни до действий судей со шпорами. Безобразие полевого суда не на поле, а в мирном городе очевидно. Стены Москвы обгалятся русской кровью, пусть московские неистовые патриоты поближе увидят, как расстреливают людей.

ИМЕЮТ ЛИ ПРАВО КОРОННЫЕ ЧИНОВНИКИ ИЗМЕНЯТЬ ЗАКОНЫ?

Пересматривая русские официальные реляции, мы нашли следующий факт беспримерного самоуправства. Генерал *фон Кауфман* пришел к мысли *назначать* в западно-русских городах в городские головы *не по выбору общества* (как велит закон), *а по определению от правительства*. Мало ли какой вздор может прийти *фон Кауфману* в голову — но он осмелился эту противозаконную меру привести в исполнение и назначил ковенским градским главой какого-то Петровского.

ШКОЛА В ЛУГАНО

Мы прочли в «Норде» 15 декабря интересную рекламу какой-то русской школы, заведенной каким-то доктором Гейслером в Лугано: «Гейслер обращает особенное внимание на то, что он не принимает в учителя ни одного русского или польского выходца».

Родители могут по этому судить о гражданской нравственности луганской школы. Бывали школы (особенно иезуитские), в которых не принимались протестанты, но такой наивной политической рекламы нам читать не случалось.

СИМБИРСКИЕ ПОДЖИГАТЕЛИ

Девять месяцев тому назад («Кол.», 1 апреля 1865) мы спрашивали: «Не скажет ли нам г. Жданов, производивший следствие по симбирскому пожару, много ли открыто нигилистов, много ли поляков, а главное — не скажет ли чего-нибудь насчет несчастья, постигнувшего канцелярию подполковника Бендерского, сделавшуюся жертвою хищной стихии, точно так же, как и канцелярия его предшественника, поглощенная той же ненасытной стихией?»

С тех пор г. Жданов умер или отравлен (по намекам «Моск. ведом.»), а бывший симбирский губернатор г. М. Анисимов, защищаясь от «Моск. вед.», печатает следующее: «Притом из самой статьи г. К. В. И. Б. видно, что характер поджогов был таков, что никакие меры предупредить их не могли. По словам той же статьи, местным руководителем действий заговорщиков было лицо, которого начальные буквы фамилии выставлены в статье. Господин этот, как известно, *призываем был для охранения города от пожаров, но если он вместо того, чтобы город охранять, сам распоряжался его жечь, то спрашиваю всех и каждого: возможно ли было предупредить эти поджоги?»*

Не наша вина, что на статью «Колокола» не обратили внимания. И после этого бессовестность «Моск. вед.» идет до того, что они ставят вопрос: «Польские ли заговорщики, или домо-рощенные нигилисты, или агенты всесветной революции — общество должно знать своих врагов»... Так это губернское начальство призывало для охранения города — нигилиста, мац-цингиевского агента, польского повстанца... Скажите пожа-луйста?

ПОДАРКИ К НОВОМУ ГОДУ

«Современник» получил второе предостережение. Не надобно было иметь много пророческого таланта, чтоб предска-зать судьбу его, как мы сделали в прошлом листе. Ай да Ва-луев... работает исправно. Как приятно должно быть «Дню», что его православие так усердно ограждается от нечестивого духа!

〈ИЗ СИБИРИ〉

Мы получили страшную весть, но не знаем, достоверна ли она; нам пишут о смерти *Яковлева* в Сибири и помешательстве *Обручева*. Умоляем известить нас, правда ли это?

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ВОЛКОНСКИЙ

Сходят в могилу великие страдальцы николаевского времени, наши отцы в духе и свободе, герои первого пробуждения России, участники великой войны 1812 и великого протеста 1825...

Пусто... мелко становится без них...

Князь Сергей Григорьевич Волконский скончался 28 ноября (10 декабря).

С гордостью, с умилением вспоминаем мы нашу встречу с старцем в 1861 году. Говоря об ней в «Колоколе» (л. 186, 1864), мы боялись назвать старца.

«...Старик, величавый старик, лет восьмидесяти, с длинной серебряной бородой и белыми волосами, падавшими до плеч, рассказывал мне о тех временах, о *своих*, о Пестеле, о казема-тах, о каторге, куда он пошел молодым, блестящим и откуда только что воротился седой, старый, еще более блестящий, но уж иным светом.

Я слушал, слушал его — и когда он кончил, хотел у него просить напутственного благословения в жизнь — забывая, что она уже прошла... и не одна она... Между виселицами на Кронверкской куртине и виселицами в Польше и Литве, этими верстовыми столбами императорского тракта, прошли, сменяя друг друга в холодных, темных сумерках, *три шеренги*... скоро ступают их очерки и пропадут в дальней синеве. Пограничные споры двух поколений, поддерживающие их память, надоедают — и из-за них всплывут тени старцев-хранителей и, через кладбище сыновей своих, призовут внуков на дело и укажут им путь».